

АЛЕКСАНДР СУРМАВА

Ильенков и революция в психологии

XX век был, как известно, щедр на крупных психологов, но имени Э. В. Ильенкова мы не найдем ни в одном психологическом словаре или энциклопедии. Да что словари, даже люди близко знавшие и почитавшие его к психологам его не относили, хотя и признавали его заслуги перед теоретической психологией.

В. В. Давыдов к 80-летию юбилею друга напишет статью «Вклад Э. В. Ильенкова в теоретическую психологию». Статья начинается словами: «Известный отечественный философ Эвальд Васильевич Ильенков (1924–1979) многое сделал в таких дисциплинах, как диалектическая логика, история философии, эстетика. Вместе с тем в своих работах он рассматривал и некоторые фундаментальные проблемы теоретической психологии (природа идеального и сознания, воображения и мышления, личности и индивидуальности и др.), искал пути их решения, используя средства философского анализа психологического материала»¹.

Далее Давыдов совершенно справедливо замечает, что Ильенков был знаком не только «с основными работами Л. С. Выготского», но и с ведущими отечественными психологами — учениками Выготского, принимал участие в «психологических совещаниях и семинарах», «много внимания уделял теоретическим вопросам педагогической психологии». И, наконец, резюмирует: «главное состоит в том, что он дал глубокое логико-философское обоснование основных положений культурно-исторической теории и теории развивающего обучения Л. С. Выготского».

Все кроме вывода здесь абсолютно бесспорно. Ильенковские теоретические идеи не всегда стыкуются с тем набором идей, который изве-

¹ Давыдов В. В. Вклад Э. В. Ильенкова в теоретическую психологию // Вопросы психологии. 1994. 1. С. 131.

стен как «культурно-историческая теория». Здесь, собственно, необходимо отметить две принципиальные вещи: первую, что сам набор этих идей едва ли может претендовать на статус научной теории с точки зрения того критерия научности, который разделяли оба мыслителя, т.е. и Ильенков, и сам Выготский; и вторую, что в работах Ильенкова просто нет анализа теоретических идей Выготского. Само имя Выготского упоминается им считанные разы.

В чем же причина подобной сдержанности?

Перечислим сначала то, что сближало двух мыслителей. Прежде всего оба — искренние марксисты, и общая мечта о подлинно свободном, всесторонне развитом человеке — пожалуй, самое главное, что делает их теоретическими союзниками. Единоы они и в признании социальной, культурно-исторической природы человеческой психики, в своем антинатурализме. Наконец они едины как диалектики, полагающие метод Марксова «Капитала» единственно верным научным методом, позволяющим от слепого эмпиризма перейти к построению подлинно монистической теории. Отсюда и поиск так называемой абстрактной «клеточки», теоретический анализ которой только и может позволить воспроизвести в теории все конкретное богатство исследуемого предмета — в данном случае человеческой личности.

Объединяет их и понимание психологии, не как позитивистской эмпирической науки, но как науки подлинно теоретической, науки — двумя ногами прочно стоящей на профессионально-философской базе, науки — соотносящей свои теоретические понятия не с искусственно и небескорыстно сконструированной самими же психологами «практикой» психотерапевтического диванчика, но с «высокоорганизованной практикой — промышленной, воспитательной, политической, военной»².

В связи с последним стоит отметить еще и то, что обоих теоретиков очевидно объединяет неприятие многочисленных школ и школок «модной» идеалистической философии, в роде «философии жизни», феноменологии, эмерджентизма и т.п. Выготский, как и Ильенков, целиком стоит на почве философской классики. В сознательном обращении к философско-психологической классике, намеренно игнорируемой позитивистски ориентированной эмпирической психологией Вундта — Титченера, и состоял главный пафос исследований Выготского. С его точки зрения — и в этом они с Ильенковым безусловные союзники, — историю психологии надо исчислять, по крайней мере, с Сократа, а значит психологическая классика началась не с опытов по измерению времени реакции, а с сократовских диалогов. Потому, между прочим, вошедшее нынче в моду эльконинское определение Выготского, как *неклассического* психолога, представляется не просто недоразумением, но серьезной теоретической ошибкой, искажающей и выхолащивающей

² *Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса / Сочинения, 6 т. М.: Педагогика, 1982–1984. Т. 1. С. 387.

вающей подлинную позицию Выготского, ошибкой принижающей его как теоретика.

Список совпадений в позициях Выготского и Ильенкова можно было бы продолжать и дальше. Так, мы не упомянули поразительное, почти мистическое совпадение, резонанс между двумя мыслителями – то, что они оба после своей смерти оставили неоконченную рукопись под названием «Спиноза», в которой тот и другой так и не успели дойти до анализа теоретических идей самого Спинозы, но остановились на критике картезианства. Впрочем, именно здесь, в этом пункте пора от перечисления многих совпадений между двумя мыслителями перейти, наконец, к их несовпадению. Главу, посвященную теоретическим идеям Спинозы в одноименной рукописи, Ильенков действительно не написал, зато он оставил нам две первые главы «Диалектической логики», в которых сформулировал безусловно восходящую к Спинозе – и столь же безусловно свою собственную – идею мыслящего тела.

Напротив, в «Учении об эмоциях» Выготский только обещает перейти от критики картезианства к позитивному, собственно спинозистскому видению обсуждавшихся им теоретических проблем. Но, увы, обещания своего он так и не выполняет. Рукопись обрывается буквально на полуслове, так что спинозовского решения той же психофизической проблемы по версии Выготского мы так и не узнаем. Остается, правда, небольшая надежда, связанная с ожидаемой публикацией научных дневников Выготского. Быть может в кратких «для себя» заметках в маленьких блокнотах, на библиотечных каталожных картах, на обороте случайных бумаг и, конечно, на полях «Этики» он оставил нам хотя бы намек на то, каким он видел спинозовское решение психофизической проблемы?

Первая публикация двух фрагментов этих дневников одновременно и обнадежила и разочаровала. Дневники содержат ряд блестящих афоризмов, подтверждающих напряженную работу мысли Выготского над спинозистским выходом из теоретического тупика картезианства, афоризмов, под которыми с удовольствием мог бы подписаться и Ильенков. Вот некоторые из них:

«Центр.<альная> проблема всей психологии – свобода.

Оживить спинозизм в марксистской психологии.

От великих творений Спинозы, как от далеких звезд, свет доходит через несколько столетий. Только психол.<огия> будущего сумеет реализовать идеи Спинозы»³.

Между тем, фрагмент, посвященный собственно психофизической проблеме, не оставляет впечатления, что у Выготского было сколько-нибудь завершенное представление, как выбираться из картезианского тупика. Его главная позитивная мысль заключается в том, что

³ Два фрагмента из записных книжек Л. С. Выготского // Вестник РГГУ: Психология. 2006. 1. С. 295.

ключ к решению загадки надо искать в отношении мышления и речи и что, соответственно, содержание психофизической проблемы для человека и животного принципиально различно. Он пишет: «Вся психофизич.<еская> проблема, как все остальные проблемы, в зоопсихологии стоят совершенно в ином отношении друг к другу и в ином разрезе, т.е. иначе, чем в психологии человека. Из незнания этого вытекают все ошибки зоопсихологии».

Выготский предлагает решение, носящее явно артикулированный знаково-семиотический характер. Несвободная, по существу механическая, марионетка обретает, как ему кажется, свободу тем, что снимает природную детерминацию ($S \rightarrow R$ отношение, механическую обусловленность реакции внешним стимулом) в акте опосредования культурным знаком – в общем случае словом. При этом слово однозначно толкуется им как конвенциональный, условный знак (см., например, «Орудие и знак в развитии ребенка»). Оттого бессловесное животное и выпадает у него из схемы преодоления психофизического дуализма. Выготский обещает для зоопсихологии какое-то особое решение, но так и не сообщает его нам.

Мало сказать, что Ильенков в этом пункте не совпадает с Выготским, он расходится с ним самым радикальным образом. Попытка семиотического решения психофизической проблемы не просто неприемлема для Ильенкова, она противоположна его основным теоретическим принципам как марксиста и спинозиста. Впрочем, она столь же противоречит и базовым теоретическим принципам самого Выготского. Противоречит, разумеется, не своей нестыковкой с некими «идеологическими принципами» марксизма, а нестыковкой с логикой и элементарной научностью. Не поленимся напомнить, что для Выготского «дело должно обстоять так: наша наука в такой мере будет становиться марксистской, в какой мере она будет становиться истинной, научной; и именно над превращением ее в истинную, а не над согласованием ее с теорией Маркса мы будем работать»⁴.

Сегодня нам, читающим тексты Выготского с высоты ильенковской «Диалектической логики», совершенно очевидно, что никакие знаки не способны заткнуть пропасть между двумя картезианскими субстанциями. Напомним, что впервые знак появляется у Выготского для того, чтобы с его помощью разрушить механический детерминизм $S \rightarrow R$ отношения, на котором стояла и стоит практически вся биология и физиология⁵. Разрушить же этот детерминизм Выготскому необходимо для того, чтобы дать субъекту шанс на обретение *свободы реакции*⁶.

⁴ Исторический смысл психологического кризиса. С. 434–435.

⁵ Вся, за исключением Н. А. Бернштейна.

⁶ Мы говорим «свободы реакции», ибо в пределах $S \rightarrow R$ отношения – а Выготский, как, впрочем, и Леонтьев, на само стимул-реактивное отношение реально не покушается, – ни о какой иной свободе говорить не приходится. Само понятие сво-

Понятно, что если бы механическая стимул-реактивная марионетка была самосознающим субъектом, то она должна была бы сильно переживать, что у нее нет «свободы реакции», что она вынуждена подчиняться чужой воле — воле отвратительных как власть рук кукловода. И тогда она могла бы использовать некий придуманный ею самой тайный знак, как напоминание о том, что помимо начальственных стимулов есть и высшее, духовное предназначение ее как субъекта, и, созерцая этот знак, восстать против власти с ее жалкими в свете высокой духовности стимулами.

Увы, весь этот поэтический бред основывается на совершенно нереальной посылке, что механическая стимул-реактивная марионетка может быть субъектом, что «человек использует естественные свойства своей мозговой ткани и овладевает происходящими в ней процессами»⁷. Здесь очевидная логическая ошибка. Если «человек» представляет собой нечто сверх происходящих в его мозгу и теле процессов, то он, быть может, и способен так или иначе овладеть происходящими в нем процессами, но тогда мы благополучно возвращаемся к классическому картезианству, а значит и к трудностям, которые выявил своим анализам Рене Декарт. Тогда, чтобы ответить на вопрос, как бестелесно-духовная сущность человека может изменять течение его телесных процессов, нам придется измыслить второе издание телекинетически шевелящейся «пишковиной железы», что-то вроде проживающего в синаптической щели «демона Эклза»⁸.

Напротив, если природа человека вполне телесна, в чем нет ничего невозможного, ибо согласно любимой Выготским мысли Б. Спинозы, «к чему способно тело, до сих пор никто еще не определил»⁹, то «человек», согласно приведенному нами положению Выготского, и есть эти самые «мозговые процессы», а значит овладеть ими ему принципиаль-

боды как таковой соотносимо только с субъектом, тогда как в S→R механизме субъекта нет в принципе.

В этой же связи заметим, что, согласно Спинозе, никакого свободного реагирования нет и быть не может. Как природные, телесные существа мы не можем выскочить из жестких рамок природного детерминизма. Иллюзий на этот счет мы, подобно ребенку или пьяному, питать можем сколько угодно, а освободиться из объятий матушки-природы нам не дано даже посмертно. Соответственно, свобода понимается Спинозой не как освобождение от телесной детерминации, не как «свобода реакции», а принципиально иначе — как свобода активного предметного действия, как свобода телесного субъекта действовать в соответствии со своей собственной природой, включающей не только это органическое тело, но и всю бесконечную природу, которую он активно полагает в качестве своего универсального предмета.

⁷ *Выготский Л. С.* Сочинения. Т. 1. С. 105.

⁸ Лауреат нобелевской премии Джон Эклз силой своего могучего воображения поместил человеческую душу в синаптическую щель, поручив ей задачу, сходную с задачей «демона Максвелла» — пропускать или блокировать проходящий через синаптический контакт нервный импульс.

⁹ *Спиноза Б.* Этика. Часть III, теорема 2, схолия.

но не дано по той простой причине, что он нацело с ними совпадает. Тогда в лучшем случае одни мозговые процессы овладеют другими мозговыми процессами, один $S \rightarrow R$ детерминизм подчинит себе другой $S \rightarrow R$ детерминизм, что, как нетрудно понять, от самого по себе $S \rightarrow R$ детерминизма эмансипировать не может, ни к какой «свободе реакции» не приведет.

И Выготский, и Ильенков остро сознавали, что ключ к новой, подлинно научной психологии лежит в рациональном преодолении пропитавшего всю психологию психофизического дуализма. Но в решении этой проблемы идут разными путями. Первый, как мы уже говорили, предлагает знаково-семиотическое «решение» психофизической проблемы, а значит, помимо своего желания, объективно идет в этом вопросе в противоположном от Спинозы направлении, – второй, напротив, идет именно к Спинозе. В «Диалектической логике» Ильенков артикулирует свое принципиально новое прочтение Спинозы и, отталкиваясь от него, предлагает подлинно революционный выход из тупика психофизической проблемы. Выход этот строится на понятии «мыслящего тела» – того самого тела, возможности которого «до сих пор никто еще не определил»¹⁰, тела, чье телесное действие в соответствии с универсальными формами предметного мира и есть мышление как таковое.

В начале прошлого века, когда жил и творил Выготский, природа человеческого тела ассоциировалась не с ильенковско-спинозовской идеей *мыслящего* тела, но с безраздельно господствовавшим в физиологии и биологии павловским представлением о рефлекторной стимул-реактивной машине. Во второй половине века усилиями великого русского физиолога Н. А. Бернштейна, ситуация начала меняться, но каждый шаг в этом направлении стоил еще огромного мужества и огромных усилий. Значительный вклад в преодоление стимул-реактивной парадигмы, исчерпавшей к этому времени свой эвристический потенциал, и ставшей препятствием на пути развития научной мысли, принадлежит Ильенкову.

Ильенков и Павлов

Сегодня, когда популярность Выготского за рубежом буквально зашкаливает, трудно поверить, что еще совсем недавно с русской (советской) психологией у зарубежных исследователей ассоциировалось исключительно имя Ивана Петровича Павлова. И действительно, интеллектуальная история России неотделима от этого имени, в хорошем и дурном. Вне всякого сомнения, это был один из крупнейших российских ученых минувшего века, ученый с подлинно мировым именем – достаточно сказать, что имя Павлова стоит первым в списке российских обладателей Нобелевской премии.

¹⁰ Там же.

Международный авторитет этого ученого был настолько велик, что даже Сталин был вынужден терпеть беспрецедентно смелые по тем временам высказывания И. П. Павлова о советских порядках. Впрочем, за вынужденную обстоятельствами, нестерпимую для него толерантность Сталин изощренно отомстил великому ученому посмертно, организовав в 1950 году так называемую «Павловскую сессию» двух академий и сделав имя великого физиолога одним из символов своего режима.

«Историческая сессия» была погромом не только для физиологической науки, но и для психологии. После постановления ЦК ВКПб «О педологических извращениях в системе наркомпросов» она стала вторым гвоздем, забитым властями в гроб нашей психологии. Отныне немногочисленным советским психологам не только запрещалась опираться на работы Выготского — человека сделавшего первый реальный шаг к созданию новой, марксистской психологии, — но всей советской психологической науке отныне предписывалось «органически освоить учение Павлова о высшей нервной деятельности как свой естественнонаучный фундамент»¹¹.

Ильенков был современником названного события: в 1950 году он аспирант МГУ, на кафедре истории марксистско-ленинской философии. Несложно предположить, что на его кафедре, как, впрочем, и на всех прочих, обсуждение «руководящих указаний» этой сессии не было обойдено партийным вниманием. След этих обсуждений мы легко найдем в позднейших работах Ильенкова.

Он нагляднейшим образом демонстрирует, что, перемещаясь между полюсами абстрактной картезианской альтернативы: механическое, протяженное тело — бестелесная душа, — мы ни на шаг не удаляемся от тупиковой картезианской логики как таковой. В этом смысле мишенью ильенковской критики становится не только очевидный павловский абстрактный механицизм, но являющийся его оборотной стороной и несколько не менее вопиющий абстрактный спиритуализм его сегодняшних критиков.

Если тело животного и человека — всего лишь бессмысленный механизм, то объяснить очевидную, хотя, возможно, и отрицаемую на словах осмысленность поведения того и другого, его очевидную несводимость к игре абстрактного случая, к слепым пробам и ошибкам, невозможно, не апеллируя к некоторому бестелесному принципу, к чему-то вроде *vis viva* или «души». На худой конец, к так называемому «рефлексу свободы» или к целевой детерминации. Разумеется, все это не имеет никакого отношения ни к «естественнонаучному», ни к какому-либо еще материализму, а значит легко уживается с идеей бога, как в дуалистической философии Декарта, так и в сознании его запоздалых адептов.

¹¹ *Теплов Б. М.* Доклад на сессии. К 40-летию «Павловской» сессии двух академий // Психологический журнал. 1990. Т. II. 4. С. 140–147.

В дискуссии же физиологов павловской школы и некоторых из ее отчаянных оппонентов Ильенков резонно разглядел переключку со спором трехсотлетней давности – Спинозы против Декарта. Он писал:

«Анализ воззрений в современной физиологии высшей нервной деятельности, а особенно кибернетизирующих физиологов мозга, довольно отчетливо показывает, что мышление в этой области, ориентирующее и эксперименты, и подбор фактов, упирается в ту же самую проблему, которую вынужден был решать Спиноза в споре с Декартом, и что в массе своей физиологи не находят выхода из трудностей так называемой “психофизиологической проблемы” именно потому, что до сих пор не могут вырваться из тисков картезианского дуализма, не могут увидеть тот путь, который Спиноза увидел и очертил предельно ясно.

Правда, картезианский дуализм имеет хождение среди них не в его первозданном виде, а в той редакции, которую ему придало неокантианство, с одной стороны, и И. П. Павлов – с другой. Тот самый Павлов, который поставил в саду своего института бюст Декарта и ни разу не упомянул добрым словом Спинозу»¹².

Возврат к картезианскому дуализму в его классическом, «первозданном виде», позволяет Ильенкову одновременно убить двух зайцев: во-первых, вычленив подлинную проблему в ее всеобщем теоретическом виде, проблему чаще всего скрытую под эклектическими напластованиями эмпиристской науки, и, во-вторых, после выполнения этой задачи, представив проблему как логическое противоречие в составе классической теоретической культуры, проложить путь к ее продуктивному разрешению.

Что же мы сами вслед за Ильенковым можем сказать о взаимодействии физиологических процессов с процессами психическими? А ничего! Ибо нечему тут взаимодействовать. Психика не существует отдельно, в абстракции от живого организма животного и человека, в абстракции от физиологии последних. Потому и «взаимодействовать» они могут не более, чем «круглость» и «треугольность» в реальном телесном конусе, или «фасность» и «профильность» в человеческом лице.

На это могут резонно возразить, что точно так же бессмысленно искать отношение между психическим образом и физическим способом действия субъекта в предметном мире. Оно, конечно, так... Да не совсем.

Классическая психофизическая проблема, конечно, *так же* не имеет решения, как и проблема психофизиологическая, если в ее анализе не идти дальше лежащих на поверхности метафор. Но вот если от метафор перейти к собственно теоретическому анализу, то обнаружится, что из психофизической проблемы вытекает спинозизм (как ее содер-

¹² Ильенков Э. В. К докладу о Спинозе // Драма советской философии: Эвальд Васильевич Ильенков. Москва: Институт философии РАН, 1997. С. 171–172.

жательное отрицание), а из «психофизиологической проблемы» — ничего не вытекает.

Первая, толкующая об отношении психического образа и образа действия субъекта этого образа в предметном мире, ставит реальную задачу, родственную той, что возникла в ходе эволюции живых и подвижных существ, нуждавшихся в ориентации в предметном мире. Как животному ориентироваться в мире, от которого он физически отделен, но в постоянном воссоединении с которым он витально нуждается? Вот реальная проблема, ответ на которую сначала в истории эволюции нашла Природа, а затем общетеоретически угадал Спиноза.

Эмпирически очевидно, что успехом нашего действия в этом мире, которое несколько не напоминает бессмысленную череду проб и ошибок, мы, как существа наделенные психикой, обязаны наличию своеобразной карты, картинке внешнего мира, его психического образа. При этом нам понятно, что сам мир и его психический образ — это не одно и то же. Достаточно слегка нажать пальцем на собственный глаз, чтобы увидеть, как картина мира искривляется и раздваивается. Мы, разумеется, «догадываемся», и тому порукой опыт присутствующих здесь и сейчас других людей, что сам по себе мир по мановению нашего пальца ни искривлению, ни удвоению не подвержен. Что же до нашей склонности доверять опыту окружающих, то наша доверчивость основана на том, что нас объединяет с другими людьми не только опыт совместного созерцания и говорения, но и совместный *практический* опыт, который был бы решительно невозможен, если бы мы не имели сходные и практически верные образы предметов и обстоятельств нашей общей практической деятельности. Так, если один из дуэлянтов основывается на адекватном психическом образе своей шпаги, тогда как его противник на искаженном, иллюзорном образе того же клинка, то совсем нетрудно предсказать, чем закончится дуэль.

Итак, психофизическая проблема встает перед исследователем тогда, когда он пытается осмыслить реальную трудность, а именно, как воображаемый психический образ, эта невеста в каком пространстве существующая виртуальная картинка, может — не все в том же воображении, а *реально* — опосредовать активность животного и человека в чувственно-предметном мире. Потому размышление над этой реальной проблемой и может привести нас к некоторой реальной, хотя и непростой истине. Истине, заключающейся в том, что единственно возможным выходом из картезианского тупика является идея Спинозы о психофизическом тождестве как тождестве противоположностей. Образ потому не приходится соотносить с реальным чувственным предметом, что он изначально развернут в чувственном пространстве как образ действия мыслящего, т.е. адекватно своему предмету действующего, тела. Образ предмета не отделен от него и не существует в нейрофизиологическом пространстве мозга или в виртуальном феноменологическом пространстве «воображения». Образ существует в простран-

стве вполне реальном. Для тактильного или гаптического образа это непосредственно очевидно, для образа, который субъект строит с помощью дистантных органов чувств, это было продемонстрировано в ходе многочисленных исследований «перцептивных действий» А. Н. Леонтьевым и А. В. Запорожцем¹³.

Напротив, теоретически и экспериментально исследуя, как психический образ «взаимодействует» с бегущими по нерву биотоками, и как он, не затрачивая физической энергии – ибо откуда у образа энергия, – может изменить направление или величину этого биотока, мы занимаемся теоретической и экспериментальной магией в самом буквальном и точном смысле этого слова.

Да, психика и мышление сколько-нибудь развитого организма едва ли осуществима без протекающих в нем нейрофизиологических процессов. Но, психика так же мало осуществима и без мышечных процессов, и без нормального функционирования сердца и сосудов, печени, почек, кишечника, желез внутренней секреции и т.п. Тогда уж придется изучать не только как психика взаимодействует с процессами в нервах, но и как она непосредственно «взаимодействует» с перистальтикой в кишечнике. И право, последний пример будет иметь куда больше смысла, ибо кишечник осуществляет, хотя и примитивную, но действительно предметную функцию в организме животного, а, значит, деятельность кишечника реально соотносится с некоторым предметным образом. Чего никак не скажешь о деятельности абстрактной нервной системы, не говоря уже о ее произвольном фрагменте.

Невольно на ум приходит ильенковский образ ног и ходьбы из «Диалектической логики». Ноги не могут взаимодействовать с ходьбой, ибо ходьба есть не что иное, как те же ноги, взятые в момент реализации ими своей специфической функции – ходьбы. Ноги и есть ходьба, в абстракции от ходьбы они перестают быть ногами и становятся бесполезными отрезками на теле живого существа.

Нейрофизиологические процессы – разумеется, при том условии, что это нейрофизиологические процессы здорового организма, – вообще несубстанциальны. Это значит, что они не несут в себе никакой собственной логики своего функционирования. Какую команду выдаст мозг в ответ на некоторое внешнее воздействие, зависит не от мозга, а от предметной задачи, стоящей перед организмом в целом. Чем меньше мозг привнесет в решение задачи «от себя», тем лучше для организма. При этом организму глубоко безразлично, какими «знаками» или «кодами» его нервная система будет кодировать то или иное «воздействие» – скажем, цвет травы. Ему важно не спутать эту самую тра-

¹³ Так, у испытуемого, решающего, казалось бы, чисто теоретическую задачу – зрительно оценить расстояние до находящихся на различном расстоянии предметов, – кроме активности зрительной системы регистрируется внешне незаметная мышечная активность ног.

ву, если она служит ему предметом питания, с чем-либо несъедобным¹⁴, а это определяется не абстрактным цветом, но и специфическим запахом, формой, расположением в пространстве, вкусом и т.п., т.е. *всей* совокупностью его предметных характеристик. И менее всего успешность (а значит и свобода) такой деятельности будет обусловлена способом кодирования всей этой чисто технической информации нервной системой.

Ильенков и Бернштейн

Переходя к анализу теоретической позиции другого великого физиолога прошлого века, Николая Александровича Бернштейна, скажем сразу, что нам ничего не известно о том, был ли Ильенков знаком с его работами. Но, обсуждая психологические идеи Ильенкова, нельзя не упомянуть имя Н. А. Бернштейна. Почему — будет понятно из дальнейшего.

Начнем с того, что Бернштейн, как и Ильенков, не картезианец, а спинозист, что само по себе для физиолога в XX веке явление едва ли не уникальное. Отсюда понятно их общее неприятие теоретических позиций И. П. Павлова. Но оба теоретика едины не только в своем критическом отношении к стимул-реактивной павловской теории, но и в своем видении того, где искать выход из специфических картезианских тупиков последней. Тот и другой едины в своем антисемиотическом, предметном пафосе. Не случайно основной темой исследований Бернштейна было изучение *предметных* движений живых существ, их движений, как сказал бы Ильенков, «по форме предмета».

Бернштейн констатирует, что реальное предметное действие не может быть организовано на основе декартовско-павловской схемы разомкнутой рефлекторной дуги, в которой некоторое внешнее воздействие на организм, стимул или сигнал, выступает в роли знака, запускающего ту или иную ответную реакцию. По этой схеме могут осуществляться только крайне примитивные действия, вроде отдергивания лапы от источника боли, мигания при раздражении роговицы и т.п., тогда как действия *предметные*¹⁵ (каковых в составе жизнедеятельности живого суще-

¹⁴ В этом смысле психологически абсолютно бессмысленно толковать о том, видят ли собаки и кошки мир в цвете или их зрение неспособно воспринимать цвета. Со всей ответственностью заявляем, что и собаки и кошки и все прочие живые твари видят (вообще, воспринимают мир) предметно и абстрактных цветов они не воспринимают в принципе. Воспринимать абстрактные цвета может только человек, да и то лишь в той степени, в какой это ему необходимо для того, чтобы по-человечески жить.

¹⁵ Для не знакомых с содержательно-диалектическим понятием *предметности* поясним, что под оной подразумеваем нами авторы подразумевают прежде всего характеристику активности, направленной на некоторый объективно существующий «внешний» или «внутренний» предмет, неважно дискретный, вещно-оформленный, или разлитый в пространстве в качестве некоторого континуального поля, с которым субъекту живой активности должно соотносить свою активность. Так предметом

ства абсолютное, подавляющее большинство, ибо и животное и человек для того, чтобы жить, вынуждены постоянно решать предметные двигательные задачи) для своей организации требуют не набора конвенциональных знаков-сигналов, а объективно верной информации о природе, «форме» своего предмета.

Иначе говоря, если движение является не механической реакцией на команду-стимул, но *предметным* движением, движением, соотносящим субъект с некоторой объективной, предметной реальностью, то для его организации требуется не система условных сигналов, но неконвенциональная, или, по выражению Бернштейна, *объективно-верная* информация.

«В ходе онтогенеза каждое столкновение отдельной особи с окружающим миром, ставящее перед собой требующую решения двигательную задачу, содействует, иногда очень дорогой ценой, выработке в ее нервной системе все более верного и точного *объективного отражения* внешнего мира как в восприятии и осмыслении побуждающей к действию ситуации, так и в проектировке и контроле над реализацией действия, адекватного этой ситуации. Каждое смысловое двигательное отправление, с одной стороны, необходимо требует не условного, кодового, а объективного, количественно и качественно верного отображения окружающего мира в мозгу. С другой стороны, оно само является активным орудием правильного познания этого окружающего мира. Успех или неуспех решения каждой активно пережитой двигательной задачи ведет к прогрессирующей шлифовке и перекрестной выверке показаний упоминавшихся выше сенсорных синтезов и их составляющих, а также к познанию через действие, *проверке через практику*, которая является краеугольным камнем всей диалектико-материалистической теории познания, а в разбираемом здесь случае служит своего рода биологическим контекстом к ленинской теории отражения»¹⁶.

В высшей степени интересно взглянуть с ильенковской теоретической позиции на приведенные нами слова, ибо в них — рождение мысли, и мысли нерядовой. С одной стороны, Бернштейн традиционно, как и положено физиологу, толкует о том, что объективное отражение внешнего мира происходит, буквально *вырабатывается* в нервной системе, что окружающий мир отображается «в мозгу». Но в мозговой ткани, как он сам только что убедительно разъяснил, нет и не может быть ничего, кроме вполне условных кодов и процессов их последовательной перекодировки из одних условных кодов в другие. Одним словом, в мозгу мы найдем не предметный, а знаково-семиотический процесс. Но в том то и дело, что Бернштейн не ограничивается этой констатацией, а выдвигает формулу, которая вполне может служить «своего рода био-

живой активности может быть не только некоторая внешняя вещь, но и содержимое желудка, и световое поле.

¹⁶ Бернштейн Н. А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. С. 373–392.

логическим контекстом» не только к «ленинской теории отражения», но и к ильенковско-спинозовскому пониманию природы мышления — гигантскому шагу вперед в конкретизации названного общепhilософского принципа. «*Познание через действие*» — вот революционная формула Бернштейна. Он приводит ее через запятую с выражением «*проверка через практику*», но если последнее выражение есть не что иное, как цитата из Ленина, то первое на сто процентов принадлежит самому Бернштейну.

Мысль самого Бернштейна не повторяет старый марксистский тезис о роли практики в познании, но содержит принципиально новую идею. *Познание через действие* и верификация познания практикой — действительно близкие, хотя вовсе не совпадающие формулы. В «действии» речь, очевидно, идет о действии индивидуальном, тогда как практика есть очевидно социальная категория. Столь же очевидно, что общественно-историческая практика не есть нечто принципиально противостоящее и мистически возвышающееся над индивидуальными действиями, но в конечном итоге она есть не что иное, как историческая сумма действий отдельных индивидов.

Разумеется, индивидуальное действие, индивидуальный опыт, равно как и отдельный эксперимент мало пригодны на роль философского критерия истины. Слишком много в таком индивидуальном опыте от абстрактной случайности, от субъективного произвола. Но в tomto и дело, что даже будучи обобщен исторической практикой, которая успешно снимает налет случайности и субъективности с индивидуального опыта, опыт общественно-исторический остается все тем же *индивидуальным* опытом, но в его очищенном от всего постороннего, *всеобщем* виде.

Очевидно, что, говоря вслед за Спинозой о мышлении, как о способе действия мыслящего тела, Ильенков и имеет в виду не единичное и случайное шевеление субъекта, хотя бы и совпадающее здесь и сейчас с геометрическим контуром противостоящей ему вещи, но сам принцип такого движения, само предметное отношение, предметное действие в его всеобщем значении. Принципиально к такому же пониманию процесса познания приближается со своей стороны, через анализ телесности — той самой телесности, возможности которой таят в себе, по мнению Спинозы, много неожиданного, — физиолог, а по существу дела уже психолог, Бернштейн.

Разумеется, такое понимание психики и мышления возникло не вдруг. Не говоря уже о Спинозе, подходы к нему, порой весьма глубокие и интересные, мы можем найти в работах И. М. Сеченова и А. Н. Северцова, В. Кёлера и К. Коффки, Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева. При этом надо ясно сознавать, что в теоретически завершенном виде оно сформулировано только у Ильенкова. Одно дело сказать, что практикой только *проверяется* соответствие нашего мышления, наших психических образов материальной реальности. (Само мышление при этом может

пониматься сколь угодно спиритуалистически, как некий чисто феноменальный психический процесс или, скажем, как процесс семиотический, как формальное оперирование конвенциональными знаками.) Другое дело, сказать, что мышление это не что иное, как способ действия мыслящего тела, сказать, что мышление не предпосылка «умного», считающегося с природой, формой своего предмета действия, *но само умное действие, конгруэнтное реальной телесной форме некоторого другого тела* – предмета мышления. Бернштейн со своей формулой «*познание через действие*» вплотную приблизился к формуле Ильенкова – Спинозы: «*познание действием*», или «*познающее себя действие*». Даже не дойдя полшага до идеи «мыслящего тела», Бернштейн заложил основы нового научного направления на стыке физиологии и психологии¹⁷, фактически начав изучать физиологию *предметно активного (мыслящего) тела*.

Ильенков не был спекулятивным философом в беллетристически-постмодернистском стиле, он был ученым, изучающим предмет во всей его эмпирической и теоретической конкретности. Встретив А. И. Мещерякова и познакомившись с его работой со слепоглухими детьми, он был счастлив увидеть в нем единомышленника по общему делу, а в рукотворном чуде рождения сознания в слепоглухих загорских воспитанниках – эмпирическое подтверждение своих философско-теоретических идей. Ни секунды не сомневаюсь, что, доведись Ильенкову познакомиться с самим Бернштейном и его работами, он увидел бы в нем своего ближайшего союзника. Так же, как он видел своим союзником Алексея Николаевича Леонтьева.

Ильенков и Леонтьев

Не берусь судить, связывала ли Ильенкова с Леонтьевым дружба, как с другим крупным психологом все той же культурно-деятельностной школы – П. Я. Гальпериним, но, вне всякого сомнения, оба ученых относились друг к другу с большим интересом и с большим уважением. Да и вряд ли могло быть иначе, учитывая то, насколько близки были теоретические убеждения Леонтьева и Ильенкова. Само имя Леонтьева упоминается в текстах Ильенкова неоднократно, хотя и здесь он проявляет свою характерную сдержанность, не вступая в какую бы то ни было содержательную полемику. Ильенковская манера делать акцент на позитивном изложении и не называть своих оппонентов по именам очень напоминает манеру его любимого автора – Спинозы.

Очевидно, что одним из пунктов, более чем что-либо иное сближавших двух мыслителей, было понимание акта психического восприятия

¹⁷ Старый термин «психофизиология» не кажется нам приемлемым, ибо он слишком скомпрометирован пропитавшим эту дисциплину картезианским духом. Новая дисциплина, основы которой заложил Бернштейн, могла бы претендовать на название «физиология предметной активности».

как движения по форме предмета. В теории Леонтьева данное понимание было развернуто в виде системы исследований так называемых перцептивных действий. Сама формула: «деятельность, пластически уподобляющаяся» форме предмета, — стала символом близости двух теоретиков. Это неоднократно и настойчиво подчеркивал Давыдов, пытавшийся теоретически синтезировать идеи Леонтьева и Ильенкова.

Между тем, и здесь не обошлось без загадки. Правда загадка эта отнесится теперь уже не к Ильенкову, а к Леонтьеву. Для нас совершенно очевидно, что леонтьевский принцип пластического уподобления теоретически восходит к Спинозе. Между тем, Леонтьев — человек, несомненно, философско-теоретический весьма компетентный — не просто молчит об этом факте, но умудряется в своих работах *ни одного раза* не упомянуть Спинозу. Это особенно бросается в глаза на фоне увлечения Спинозой не чуждых ему Выготского и Ильенкова.

Впрочем, различие в теоретических позициях Леонтьева и Ильенкова, состоит, разумеется, не в количестве ссылок на Спинозу. Двух весьма близких мыслителей разделяет их понимание центральной категории диалектической психологии — категории предметной деятельности.

Обратимся, к последним работам А. Н. Леонтьева.

«Говоря о деятельности, — утверждает он, — мы разумеем, следуя марксистской традиции, *предметную* деятельность, основной и исходной формой которой является деятельность чувственная, непосредственно практическая. Что же касается внутренней, умственной деятельности, то она представляется *дери́ватом* внешней деятельности, сохраняющим ее общую структуру и функцию порождения психического отражения реальности»¹⁸.

Начнем с того, что у Леонтьева, как следует из процитированного определения, а оно, заметим, неспецифично именно для данной работы, есть не одна, а две деятельности — одна внешняя, другая внутренняя. И внешняя и внутренняя деятельности предметны, но понятное дело, предметны в несколько разном смысле. Внешняя деятельность имеет дело с предметом непосредственно, тогда как внутренняя, надо полагать, имеет дело с образом предмета, с воображаемым предметом.

Вообще сами термины «внешняя» и «внутренняя» применительно к деятельности достаточно двусмысленны. «Внешняя» может быть понята как поверхностная, несущественная. И хотя Леонтьев всячески настаивает на ее не просто существенной, но центральной роли в процессе порождения психического отражения реальности, это было бы желательно еще и доказать. С другой стороны, термин «внутренняя» невольно направляет мысль на представление о нейрофизиологической «деятельности», т.е. процессах, протекающих в мозгу. Между тем, Леон-

¹⁸ Леонтьев А. Н. Категория деятельности в современной психологии / Деятельность, сознание, личность. Москва: Смысл, Академия, 2004. С. 294–295.

тьев горячо и справедливо настаивает на том, что загнать сознание под черепную крышку, значит «загнать его в гроб. Там выхода нет, из-под этой черепной крышки»¹⁹.

Итак, «исходной формой» деятельности является деятельность чувственно-практическая, это очевидное для любого материалиста утверждение. Теоретические трудности начинаются дальше, на следующем шаге рассуждения, при переходе от «внешней» деятельности к «внутренней». Встает вопрос, а что, собственно, согласно Леонтьеву, представляет собой эта самая «внутренняя» деятельность? Что она не мозговая, не физиологическая деятельность мы как будто усвоили, хотя и здесь Леонтьев, при всем пафосе отрицания физиологии как субстрата психики и сознания, не до конца последователен. Так Леонтьев утверждает: «Я стою на том, что исключение третьего звена, т.е. рассмотрение <непосредственного отношения> вещи (отражаемой) и мозга (отражающего) невозможно по соображениям методологическим»²⁰. Собственно, утверждается здесь невозможность *непосредственного* отражения, т.е. необходимость введения посредствующего звена в виде деятельности. Но при этом то, что отражение происходит именно в мозгу, утверждается как нечто само собой разумеющееся.

Очевидна противоречивость такого подхода. Если психическое отражение происходит именно *в мозгу*, то оно не может быть ничем иным кроме некоторого физиологического процесса, ибо в мозгу ничего другого просто нет. Не искать же там вновь шишковидную железу с душой. Строго говоря, «в мозгу» нельзя предположить даже феноменальной психики, ибо, если мы допускаем таковую, то она, в строгом соответствии с *логикой* Декарта, не может иметь пространственной локализации, а значит с равным успехом может быть помещена в мозг, в сердце или в пятки. Да и сам Леонтьев не устает заверять, «что внешняя и внутренняя деятельность не противостоят друг другу: одна — как принадлежащая миру протяжения, другая — как принадлежащая миру мышления»²¹.

Внутреннюю, собственно психическую деятельность Леонтьев называет *дериватом* деятельности внешней. А, собственно, что означает это мудреное иностранное словечко «дериват»? Да ничего особенного. Этим термином чаще всего в химии обозначают некоторый продукт производный от другого. Так что «внутренняя деятельность», будучи *дериватом* чувственной «внешней деятельности» просто обречена на то, чтобы быть чувственной же, хотя и скрытой от посторонних глаз деятельностью. Но поскольку в мозгу, как чувственном предмете, никаких иных чувственных процессов, кроме процессов физиологических, не

¹⁹ Леонтьев А. Н. Проблемы психологии деятельности / Деятельность, сознание, личность. С. 308.

²⁰ Там же. С. 304.

²¹ Там же. С. 305.

происходит, то нам не остается ничего иного, как вновь придти к тому, что «внутренняя деятельность» есть деятельность физиологическая, т.е. опять загнать психику и сознание «в гроб».

Попробуем, однако, взглянуть на дело с другой стороны. Допустим, что «внутренняя деятельность» есть деятельность не чувственная. Но что она тогда? Все тот же издревле известный «душевный» процесс? Феноменальная психика? Чистая, не отягощенная никакой объективностью, никакой чувственностью субъективность? Модус картезианской непротяженной субстанции? Но Леонтьев категорически отвергает такую интерпретацию его «внутренней деятельности». Что же он сообщает нам о ней позитивного? А то, что она есть форма существования «психического отражения».

Леонтьев поясняет: «Развитие деятельности необходимо приводит к возникновению психического отражения реальности в ходе эволюции, и этот тезис не нуждается в комментировании. Это совершенно банальное положение, говорящее примерно о том, что цитируется в таком виде: “Жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа” и т.д., т.е. *жизнь порождает отражение*»²².

Между тем, это объяснение больше запутывает чем объясняет. Если к возникновению психического отражения *приводит* «развитие» деятельности — деятельности, надо полагать, чувственно-практической, — то это самое отражение является не сразу, а только на некотором этапе этого самого развития. Но это значит, что на первом этапе *деятельность* уже есть, а вот (психического) отражения еще нет. Чем же тогда эта самая деятельность отличается от простого механического функционирования, и силой какой чудесной эмерджентии она затем вдруг это самое отражение порождает?

«Жизнь рождает мозг». Так и представляешь акт рождения *мозга* из пены морской, как на полотнах Сальвадора Дали... А дальше опять загадки: «В мозгу человека отражается природа». Отражается-то она отражается, об этом еще Декарт догадывался, весь вопрос в том как технически возможно такое отражение, и что психическое отражение представляет из себя как таковое? И в мозгу ли? И, кстати, есть ли еще какое-то отражение помимо психического, или это просто синонимы: говорим отражение — понимаем психика, и наоборот? Наконец, «*жизнь порождает отражение*!» Тут мы уже от себя поставили бы курсив, если бы этого за нас не сделал сам Леонтьев... и, если бы, не словечко «порождает». Значит, опять-таки, получается, что *до* жизни отражения не было, затем в мертвом механическом мире от божественного перста зародилась жизнь, и вот от жизни, как от адамова ребра, однажды родилось это самое психическое отражение.

На все эти вопросы у Леонтьева ответов, к сожалению, нет. Впрочем, скажем ему великое спасибо и за вопросы. И за мужественное при-

²² Там же. С. 304.

знание (не часто случающееся среди теоретиков) в том, что у него нет ответов на эти ключевые вопросы. Вот оно:

«Я поставил альтернативу. С этой точки зрения я и хочу сейчас взглянуть на вещи. Я усматриваю в этой позиции, которую я сейчас условно занимаю, ряд капитальных трудностей, которые я лично решить не могу. Сколько я их ни пробовал решать — я не нахожу удовлетворительного решения до сегодняшнего дня. Может быть, товарищи имеют это решение. У меня его нет. Какие же трудности я не могу решить? Первая трудность, которую я не могу решить и которую я отчетливо вижу, состоит в том, что при такой позиции деятельность снова рассекается. Внутренняя деятельность целиком относится к психологии, как это было согласно картезианскому членению. Внутренняя деятельность — это «богу богово», что касается до внешней, особенно практической, деятельности, то она не психологическая, ее нужно отдать кесарю, это кесарево. Только не известно — какому кесарю и кто этот кесарь. И получается поэтому зона ничейной земли, ничейная зона. Вы можете отдавать эту деятельность кому угодно, но эту внешнюю деятельность никто не берет. Я потом докажу, что ее никто не берет. Эта внешняя деятельность — так, как она описана, — остается без кесаря. Нет кесаря, которому это можно отдать. Она — ничейная земля. Вторая трудность заключается в том, что одни звенья единой деятельности оказываются принадлежащими психологии, а другие — вне ее»²³.

Итак, в конце жизни, уже будучи всемирно признанным автором «психологической теории деятельности», Леонтьев фактически признается, что предлагаемый им теоретический подход не позволяет решить кардинальнейшую для теоретической психологии психофизическую проблему. Ибо вопрос, *как* внешняя чувственная деятельность стыкуется (или не стыкуется) с деятельностью собственно психологической, или в терминах Леонтьева с «внутренней деятельностью», и есть еще одна формулировка психофизической проблемы. Формулировка, заметим, в противоположность многочисленным психофизиологическим ее вариантам, теоретически безупречная.

Что же мог сказать и сказал по этому поводу Ильенков?

Что проблема, которую пытается решать Леонтьев, принципиально решения не имеет, ибо вопрос изначально поставлен неверно. Отношение между «чувственно-внешней деятельностью» и деятельностью психически-внутренней установить невозможно, ибо «есть не два разных и изначально противоположных предмета исследования — тело и мышление, — а всего-навсего *один-единственный предмет — мыслящее тело* живого, реального человека, лишь рассматриваемое под двумя разными и даже противоположными аспектами или углами зрения»²⁴.

²³ Там же. С. 314.

²⁴ Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1984. С. 28.

Обратим внимание, что у самого Ильенкова мы не найдем теоретических определений психики как таковой. Речь у него идет все больше о спинозовском «мышлении», о том мышлении, которое неотделимо от субстанции (от Природы, Мировой материи) и является неотъемлемым свойством, «совершенством», атрибутом последней. Нетрудно догадаться, что ни известное из учебников психологии «мышление», ни «психика» с этим ильенковско-спинозовским определением не совпадает, просто не может совпадать. Психика как таковая не атрибут природы, но присуща только некоторым из ее достаточно развитых «модусов».

Ильенков и психология

Повторим вопрос, который мы задали себе в начале статьи: не погорячились ли мы, назвав Э. В. Ильенкова психологом? Не корректнее ли все-таки считать его философом, который, скажем так, *интересовался* некоторыми проблемами теоретической психологии? В крайнем случае *методологом*?

Попробуем ответить на этот вопрос.

Методолог и методология — были такие модные словечки в семидесятые годы. Один из активнейших участников давыдовского теоретического семинара Георгий Петрович Щедровицкий так прямо и называл себя «Методологом» и проповедовал среди многочисленных уверовавших в него отроков о грядущем методологическом веке. Ну, а на наивный вопрос одного из участников семинара о том, для чего психологам пастырь-методолог и не рациональней ли будет, если теоретики, опираясь на классическую философию, будут сами строить свою методологию как *содержательную* теоретическую рефлексию своего *содержательного* исследования, Георгий Петрович, не моргнув глазом, ответил, что это вряд ли у них получится. Маркс был энциклопедически образованный человек блестяще знавший философию, посему он действительно мог строить политико-экономическое исследование не прибегая к услугам специалистов-методологов, а у *современных* психологов этот фокус вряд ли пройдет, ввиду глубокой философско-теоретической безграмотности последних, резюмировал Г. П.

Наивные вопросы провоцируют на откровенные ответы. И хотя ни тогда ни теперь я не разделял теоретические взгляды Г. П. Щедровицкого, его последнее соображение не кажется мне лишненным основания. Неглубокая, по существу любительская философско-теоретическая подготовка является едва ли не родовым свойством среднего психолога. Да что говорить о среднем психологе, когда даже такой признанный мэтр, как В. П. Зинченко, часто и с гордостью публично рассказывает о том, как В. В. Давыдов в университете по-приятельски писал за него рефераты по марксистской философии, а М. К. Мамардашвили отговаривал его от самостоятельного чтения старых философов, предлагая в случае надобности обращаться к нему за консультацией.

Место философско-теоретической культуры в психологии прочно заняла так называемая «методология», под которой обычно подразумевается любительская рефлексия, как правило очень слабо опирающаяся на ту или иную явно артикулированную философскую культуру. Центральной идеей этой специфической дисциплины является мысль о том, что методология есть нечто, что может существовать и иметь смысл до и независимо от конкретной теории.

Разумеется, до и в некотором смысле независимо от данной частной науки история культуры сформулировала некоторые общепсихологические, общелогические или общедиалектические принципы, но объявлять эти принципы рефлексией, «методологией» еще не существующей науки было бы, на наш взгляд, более чем неосмотрительно. «Метод есть не что иное, как рефлексивное познание (*cognitio reflexiva*) или идея идеи; а так как не дана идея идеи, если не дана прежде идея, то, следовательно, не будет дан метод, если не дана прежде идея»²⁵. Эта простая и, как всегда, глубокая мысль Спинозы не требует дополнительных разъяснений. Значит, очевидны и резоны, позволяющие нам настаивать на том, что Ильенков был не одним из славного ряда методологов-дляпсихологов, но собственно психологом. А как прикажете назвать мыслителя, не наводившего «методологический» глянец на чужие мысли, но сформулировавшего свои собственные революционные идеи в теоретической психологии?

Самым абстрактным уровнем психологической теории является теоретическое понимание того, как возможен самый элементарный психический акт, как возможно элементарное психическое восприятие или образ. Не как конкретно они рождаются и сменяют друг друга, но как они возможны в принципе. Философии эта проблема известна как проблема психофизическая, и Эрнст Геккель в конце теперь уже позапрошлого века причислил ее к величайшим и скорее всего неразрешимым загадкам в истории человечества.

Ильенков не оставил нам теоретической дефиниции абстрактной психики. Он «просто», опираясь на Спинозу, нашел разгадку «великой загадки» Геккеля и тем самым впервые проложил психологии путь от магии и знахарства к научной теории и основанной на ней практике.

Самым конкретным уровнем психологической теории является теория личности, ибо нет у психологии иного более главного предмета, чем человеческая личность, чем тайна ее рождения и развития.

В статье «Что же такое личность» Ильенков сформулировал свою теорию личности. Впрочем он сам наверняка предпочел бы назвать последнюю не «своей», а просто марксистской теорией личности. И не из особой личной скромности, а потому, что подобно Выготскому был искренне убежден, что определение «марксистский» и «научный» просто тождественны, и что он сам не как-то особенно «развивает» марксизм,

²⁵ Спиноза Б. Избранные произведения, 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т.1. С. 331.

а просто грамотно эксплицирует то, что в нем теоретически уже имплицитно содержалось. В любом случае, его теория была для него средством не самоутверждения, но поиска истины. Кстати, в свете психологической теории самого Ильенкова данное обстоятельство более, чем что-либо иное, характеризует масштаб личности ее создателя.

Встать в психологии на ильенковские теоретические позиции, значит не просто добавить к дюжине психологических теорий личности еще одну, к тому же сформулированную трудным «гегелевским» языком, но включиться в захватывающий дух процесс революционного преобразования старой вынужденно эклектически-эмпирической дисциплины, в новую подлинно теоретическую, революционную науку, которую вслед за Выготским мы бы определили как *диалектическую психологию*.

Разумеется, Ильенков, как психолог, опирался не только на старых философов, но и на новую и новейшую психологию. Мы уже говорили о его теоретической близости с Выготским и Леонтьевым. Менее известно, что он с большим интересом относился к идеям гештальтпсихологов. Весьма серьезно Ильенкова интересовали проблемы педагогической психологии и педагогики: «Школа должна учить мыслить» — не броский заголовок для популярной статьи, но вывод из всей его марксистской психологической теории, сформулированная им революционная программа для будущих поколений. Теоретическая близость Ильенкова с его другом и учеником Давыдовым и вовсе не требует комментариев. «Виды обобщения в обучении» — широко известная работа Давыдова, ставшая новой ступенью в педагогической психологии, представляет собой очевидную попытку реализовать потенциал теоретических идей Ильенкова в психологии обучения. Наконец, интерес к тифлосурдопедагогике и дружба Эвальда Васильевича с Александром Ивановичем Мещеряковым и четверкой его воспитанников стала едва ли не центральным событием в последние годы его жизни.

Наконец, последнее. А считал ли он сам себя психологом?

Считал.

«Всю свою жизнь я был уверен, что о себе не думаю, думаю только о философии и психологии...»²⁶ — эти слова были написаны рукой самого Эвальда Васильевича незадолго до его трагической смерти и вскоре после его последнего доклада на давыдовском теоретическом семинаре.

²⁶ Фрагмент записки Ильенкова я привожу в пересказе Ф. Т. Михайлова.